

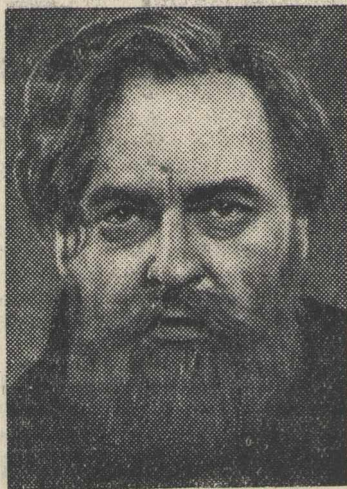
Встреча двух Протасовых

Когда в 1954 году я ставил в Познани «Живой труп», не видевший сцены в нашей стране 25 лет. я хотел тогда этим отметить 125-летие со дня рождения великого русского писателя Льва Толстого.

К сожалению, в 1951 году мне не удалось увидеть замечательный спектакль «Живой труп» в постановке гастролера у нас Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина. И во время моей короткой поездки в СССР в нынешнем году я радовался, что смогу увидеть эту пьесу на московской сцене и, может быть, заметить свои режиссерские погрешности, а также и актерские, потому что в Познани я сам играл роль Федя Протасова.

Общезвестна — и за редкими исключениями подтверждается — та истина, что лучше и правдивее всего Мольера сыграет французский театр, Гольдони — итальянский, Шекспира — английский, Фредро — польский, а Островского и Толстого — русский.

Как постановщик и режиссер многих пьес советского репертуара в Польше я был счастлив, что мне удастся увидеть на сцене со-

А. Гонссовский в роли Федора Протасова.

ветских артистов, играющих со всей глубиной реалистической правды жизни. Но уже в поезде Варшава — Москва я с сожалением узнал, что чуть ли не все московские театры разъехались на летний отдых.

Когда же я добрался в Москве до Ленинградской гостиницы-небоскреба и посоветовал своим друзьям в первый вечер по приезде отдохнуть, то вдруг обнаружил на недельной театральной афише магический для меня анонс: сегодня «Живой труп» в помещении Малого театра, где гастролерует Киевский государственный русский театр драмы имени Леси Украинки. Поскольку у меня с Малым театром во время его пребывания в Польше завязались дружеские отношения, я смело и в их отсутствие позвонил в театр.

Спектакль тем более заинтересовал меня, что из программы я узнал: главный режиссер театра народный артист СССР М. Романов и поставил пьесу, и сам играет Федю. Значит, все так же, как было у меня в Познани.

С большим вниманием следя за ходом спектакля, я с радостью убедился, что наше польское представление в очень многих случаях было сходно и по атмосфере, и по толкованию отдельных ролей. С волнением я находил в работе моего коллеги ту же мысль, почти одинаковые ситуации и мизансцены. Пишу об очень многих случаях потому, что бывали (так и должно быть) известные различия. И об этих различиях беру на себя смелость подискутировать.

Коллега Романов построил свою роль на полном затушевывании «взрывных» сцен. Он играет своего Федю камерно, тонко, с любовью. Это прекрасная и очень интересная актерская работа. Но мне сдается (имея в памяти текст Федя), что в сцене со следователем такая «приглушенность» в обвинении, которое вырывается у Федя, неправильна.

Ведь в этой сцене вызов Федя передает главную мысль толстовской пьесы: убийственное воздействие бездушного и тупого бур-

жуазного мира на человеческие чувства. Никчемность и ложь, наглость и тупость — основные черты характера царского бюрократа-следователя. И Федя, естественно, не может удержаться от взрыва возмущения. Роли меняются. Из подсудимого, из допрашиваемого преступника он превращается в обвинителя, смело и сильно бросает он в лицо лицемерному судейскому чинуше слова осуждения и презрения.

Вслушиваясь в текст пьесы и одновременно наблюдая сосредоточенную реакцию публики, я вспомнил слова Владимира Ильича Ленина: «Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе...». На канве мелодрамы великий писатель сумел раскрыть настоящие, важные проблемы глубокого общественного значения, ибо Толстой всегда черпал вдохновение из действительности, из непосредственного наблюдения за поступками людей. И впечатления, которые давала ему жизнь, выходили из-под его пера в виде художественно зрелых, замечательных творений. Драматические произведения великого писателя (и особенно «Живой труп») ставятся на всех сценах мира и входят в постоянный репертуар многих театров.

После спектакля Киевского театра мне удалось встретиться с героем вечера, народным артистом М. Романовым. Разговор наш был кратким, но очень сердечным. На двух языках оба Протасова пожелали друг другу дальнейших успехов и обменялись поздравлениями.

Мы оба надеемся, что в будущем нам удастся встретиться в Киеве и в Познани.

Первый вечер в Москве стал для меня, таким образом, большим и незабываемым художественным переживанием. Он дал мне много новых, больших впечатлений.

Александр ГОНССОВСКИЙ,
польский режиссер.

Соборская рукопись 21. VIII 58.